

О социологической публицистике Александра Зиновьева

Предлагаемый сборник избранной публицистики Александра Александровича Зиновьева¹ охватывает период с 1978 года по настоящее время и является показательным для этого аспекта его творчества. Представляя его читателю, хотел бы отметить социологическую заостренность творчества Зиновьева в целом и особое место, которое в нем занимает публицистика.

Зиновьев получил всемирную известность как логик, социолог, писатель, его имя обозначило веку в каждой из этих областей человеческого духа; он имеет также общественно признанные успехи в философии, изобразительном искусстве, поэзии. Поражает не только ренессансная широта его гения, особенно удивительная в наш век специализации, еще более привлекает внимание то, что различные формы его творческой деятельности внутренне связаны между собой, дополняют и усиливают друг друга. Я не берусь разгадать тайну феномена Зиновьева и ответить на вопрос, как ему удастся быть столь разносторонним и цельным одновременно. Укажу только на одну из причин. Она, на мой взгляд, состоит в том, что Зиновьевым, человеком и мыслителем, движет пафос социологической истины — стремление понять общество и время, в котором он живет. Именно этот пафос, страсть социолога-исследователя, составляет центр, объединяющую основу его разнообразных интеллектуальных усилий. К примеру, если взять его работу в области логики, то она была направлена на такое переосмысление ее содержания, чтобы логика могла служить потребностям эмпирических наук; он сделал в ней открытия, позволившие создать логический аппарат для исследования социальной реальности (логическую социологию). В литературе основное открытие Зиновьева связано с созданием жанра социологического рома-

на. Здесь, как и в изобразительном творчестве, его интересуют социальные типы, его герои и карикатуры воплощают функции, носят, как правило, не имена, а клички. В этико-философских сочинениях он обсуждает главным образом вопрос о том, как индивид может стать личностью в рамках законов социальности и вопреки им. Словом, все, что делает Зиновьев, прямо или опосредованно связано с социологией (разумеется, с социологией в его понимании — как способом существования больших масс людей — людей-организмов, — жизнь которых организована по законам экзистенциального эгоизма). Это, разумеется, относится и к его публицистике, к ней даже прежде всего.

Публицистика Зиновьева не просто связана с его социологическими исследованиями. Она стала их преимущественной формой. Личная и творческая биография Зиновьева сложились таким образом, что он вот уже почти тридцать лет находится в водовороте идейных баталий периода «холодной» войны и после нее, озадачивая всех неожиданностью своих суждений и жизненных позиций. В течение 21 года вынужденной эмиграции он написал столько статей, столько раз выступал перед разными аудиториями в разных уголках планеты, по радио и телевидению, дал такое количество интервью СМИ, которым сам потерял счет и которые вряд ли теперь можно собрать воедино. По возвращении из эмиграции на Родину в 1999 году его активность в качестве публициста даже усилилась. Дело, однако, не в масштабе публицистической продукции, хотя и это достойно удивления и внимания, а в ее характере. Словарь Ожегова публицистику расшифровывает как литературу по общественно-политическим вопросам современности; она и в самом деле связана с партийными, политическими, государственно-идеологическими

¹ Зиновьев А. А. Распутье. М.: Элефант, 2005. 320 с. Публикуемая статья академика РАН А. А. Гусейнова представляет собой его предисловие к настоящей книге.

целями. Типичными ее образцами являются, например, публицистика В. И. Ленина, статьи И. Эренбурга периода Великой Отечественной войны, антисоветские передачи радиостанции «Свобода», патриотические памфлеты А. Проханова. Публицистика Зиновьева имеет иную природу. Внешне она подходит под обычное понимание публицистики, поскольку затрагивает актуальные темы. По сути же она включена в социологические размышления автора, является их источником, еще чаще поводом для изложения научных взглядов. Более того, его социологическая теория в значительной мере изложена в публицистической форме. Как признавал сам Зиновьев, его научные эссе и литературные произведения возникали на основе публицистики. Конкретные вопросы, которым посвящены те или иные публицистические произведения, рассматриваются Зиновьевым не сами по себе, не только с точки зрения их непосредственных причин и ближайших следствий, а обязательно также в связи с целостной картиной общества, как частный случай, выражение и дополнение неких общих социологических тенденций.

Основное содержание публицистики Зиновьева — суждения о реальном коммунизме, о советской реальности и о тех мировых явлениях, которые, так или иначе, связаны с ними. Он, по его собственному признанию, с детства «болел» коммунизмом (включая его советский вариант — советизм). Болел не в смысле признания и апологетики — он никогда не был апологетом коммунизма и коммунистом в расхожем, советском и антисоветском, понимании, — а в смысле стремления понять его. И вряд ли кто другой так полно и глубоко изучил коммунизм как социальный феномен. Именно коммунизму как важнейшему социальному явлению не только 20-го столетия, но и всей прошлой истории, были посвящены многие сотни (если не тысячи) публичных выступлений Зиновьева и десятки литературных сочинений и научных эссе, издававшихся на десятках языков планеты. Только в последние годы им опубликованы книги «Кризис коммунизма», «Ги-

бель империи зла», «Гибель русского коммунизма», «Катастрожка», «Русский эксперимент», «Русская трагедия», «Посткоммунистическая Россия», «Идеология партии будущего» и другие.

При чтении сочинений Зиновьева может создаться впечатление, будто в его жизни было два периода — антикоммунистический, в который он подвергал жестокой критике реальный коммунизм и советизм, и прокоммунистический, в который он, наоборот, встал на их защиту. Это впечатление поверхностное, ложное. На самом деле Зиновьев никогда не был антикоммунистом и антисоветчиком и не стал апологетом коммунизма и советизма. Он был всегда и остается врагом всякой фальсификации коммунизма, исходящей как от апологетов коммунизма, так и от антикоммунистов. Он сам постоянно подчеркивает это, называя себя апологетом истины о коммунизме. И в качестве такового он был первым, кто построил научную теорию реального коммунизма, за что был награжден премией Токвиля. Известный в свое время советолог и выдающийся социолог Раймон Арон, настоявший на том, чтобы премию дали именно Зиновьеву, а не его конкурентам-антикоммунистам (включая Поппера), сказал, что Зиновьев является первым, кто выработал научное понимание реальности коммунизма и, по всей вероятности, — последним. Советскую апологетику коммунизма отбросили. Но на ее место пришел не научный подход к советскому (коммунистическому) периоду, а антикоммунистическая и антисоветская фальсификация их. Так что слова Раймона Арона в некотором роде оказались пророческими.

Один из исследователей называл Зиновьева великим вопрекистом. Ему действительно свойственно идти против течения. Но это больше чем черта характера. Это — цена, которую приходится платить за научный подход к изучению общества. Анализ реальности всегда является ее критикой, разоблачением, проникновением в скрытую сущность. Это вдвойне так тогда, когда речь идет о социальной реальности, которая окутана гус-

тым туманом иллюзий, заблуждений, обмана, злостных фальсификаций. И пробиться к ней невозможно без того, чтобы не войти в конфликт с теми, кто идеологически обслуживает ее. И еще вопрос, можно ли быть честным объективным социологом, не имея мужества, идти против течения, говорить истину вопреки господствующим предрассудкам. Зиновьев таким мужеством обладает.

Конечно, Зиновьев с годами менялся, но не в смысле своей принципиальной позиции. Он как исследователь глубже понимал объект своего внимания, рассматривал его с разных сторон, в различных состояниях и т. д. Реальный коммунизм менялся с годами, менялась и его судьба. Он впал в состояние кризиса. Наконец, он был разгромлен в заключительной фазе «холодной» войны. И Зиновьев наблюдал все это, был сам участником исторического процесса. В своем творчестве, в особенности — в публицистике, он отразил этот процесс. В его работах детальнейшим образом прослежен процесс назревания кризиса коммунизма, его крах, причины такой эпохальной трагедии и ее последствия как в мире, так и в самой России. Хотя в этом сборнике и помещена лишь небольшая часть публицистических произведений Зиновьева, внимательный читатель без труда заметит это. Сборник начинается одной из первых публицистических статей о марксизме, который, как показывает Зиновьев, был неадекватен советской реальности. Это было именно выступление против идеологической фальсификации реальности в тот период, когда коммунизм был в расцвете сил и реально угрожал стать на самом деле «светлым будущим для всего человечества» (это провозглашалось советскими лозунгами, и на Западе панически боялись этого). И заканчивается сборник статьями о коммунизме как о прошлом России, о том, к каким последствиям это привело и что ожидает нас в обозримом будущем. В совокупности помещенные в сборник статьи дают на редкость полное описание самого значительно-

го феномена двадцатого века и его трагической судьбы.

Значительная часть сборника посвящена постсоветскому (посткоммунистическому) периоду российской истории, прежде всего и главным образом — постсоветской социальной организации. И в этом отношении Зиновьев является новатором — первым ученым, фактически и явным образом вставшим на путь научного понимания постсоветской реальности. Не исключено, что и в этом он на долгие годы может остаться непонятым, поскольку и новая социальная реальность России подвергается фактически тотальной фальсификации.

Сборник назван словом «распутье». Кто-то может усмотреть в этом намек на фамилию президента. В сборнике есть статьи, посвященные наступившему периоду российской истории. В ней содержатся критические соображения. Но они относятся к социальной организации страны и той ситуации, которая сложилась независимо от президента. Так что эта ассоциация лишена смысла. Как пояснил сам Зиновьев, слово «распутье» является наиболее адекватным для лаконичной характеристики того состояния, в котором оказались россияне в результате переворота, произошедшего в горбачевско-ельцинские годы. Он вложил в это понятие наряду со смыслом, который фиксируется словом «распутье» (перекресток дорог), также смысл, выражаемый словом, «распутица» (время, когда дороги оказываются непроходимыми). Он рассматривает распутье как ситуацию, когда дорог вроде бы много, а выбора почему-то нет, ни по одной из этих дорог практически идти нельзя, когда вроде бы выбираешь одну дорогу, а идешь по другой, и вроде бы идешь, а никуда не движешься. Нечто подобное происходит с Россией. Дорог много, но ни одна из них не сулит ничего хорошего — как ни печален этот вывод Зиновьева, социолога и публициста, стоит к нему прислушаться.

А. А. Гусейнов